

Илья ЕГАРМИН

СНЕГОВИК

Козловский. Это моя фамилия. Меня можно было бы обрисовать карандашом по контуру, для ясности, но контур мой и так виден, пусть призрачно, но всё же виден. Я подхожу к окну. Под моими веками гуляют сквозняки. Это сквозняки весны. Все слова, что умерли вчера ночью в моей голове, я сегодня перевожу на бумагу. Лучше никогда не проговаривать слов внутри себя, иначе пожнёшь трупы и вонь. Но, увы, — мечты, мечты. Воображение. Под полуприкрытыми веками Козловского гуляли весенние сквозняки. За окном, забрызганным холодными каплями мартовского дождя, шевелились голые деревья, а по талой воде проходила порывистая рябь. Козловский не пил несколько дней, и сейчас обдумывал это. А глядя на ненастье за окном, думал об агрессивности ветра, агрессивности шевелящихся деревьев и агрессивности рисунков на воде.

Снег сходил. Солнце изредка прорывалось и раскаляло комнату Козловского добела. Козловский давно не выходил на улицу — многообразные звуки города (вопли машин, лай собак, чудовищное молчание Москвы-реки) сводили его с ума. Но даже здесь, в комнате, полной битого стекла и невыносимого жара, Козловский затыкал уши специальными затычками. Эти затычки значительно усиливали жар в голове. Но создавали тишину.

— Тишина эта, — говорил обычно Козловский, — только внешняя. Она мне совершенно не помогает, от неё никакого толку.

А толку, действительно, не было никакого. Стёкла, разбросанные по всей комнате (недавно Козловский разбил себе об голову стакан), — эти стёкла были крупные и мелкие. Пылесос сломан, а руки Козловского не работали. Это была такая болезнь или это только так казалось.

Глядя в окно, — с трудом написал Козловский, — я вижу, как шевелятся деревья, вижу, что небо становится всё сильнее, особенно по ночам. Фонари по ночам горят с переменным успехом, но, тем не менее, в моей комнате ни разу не бывало полной темноты. А темнота, говорят, помогает людям, даже таким, как я. Хотя в детстве я очень боялся темноты. Да... Родители рано положили меня спать в отдельной комнате, и однажды ночью я почувал неладное: кто-то приближался ко мне. Кто-то находился в моей комнате, но я онемел под одеялом. Я не мог, да и не хотел ничего предпринимать. А потом в полосе уличного фонарного света на полу я увидел старомодные остроносые ботинки и тёмный контур широкополой шляпы. Это был Дьявол. Но мне никто не поверил, потому что этим Дьяволом был я сам.

Сейчас, чтобы внести в свою ночь хоть частицу темноты, я купил чёрное постельное бельё: чёрная простыня, чёрный пододеяльник, чёрная наволочка. Всё. Полдела сделано. А остальную половину сделать не представляется возможным — фонари по-прежнему мигают, а бракованные стеклопакеты (нам их устанавливали на халяву, когда ремонтировали дом) пропускают с улицы шум уборочных машин, которые медленно, с вязкими, заторможенными мигалками, проходят прямо под окнами в 3 часа ночи. Мне кажется, что темнота и шум несовместимы.

Всё это я пишу, чтобы разговаривать с вами. Потому что иного способа выйти на контакт нет. Я обитаю в мире, настолько чуждом миру людей, что мне необходимо полностью перестроить мыслительный и речевой аппараты, перекрыть кожу, изменить химический состав крови, а самое главное — изменить стиль одежды и манеры поведения, чтобы быть хоть сколько-нибудь адекватным, находясь в обществе. Можете считать это гордыней.

А что касается света и тьмы, то после прихода Дьявола я стал спать с ночником, но этот ночник создал новые прецеденты, — блуждание теней и их звуков. Я спал с ночником лет до 18, после чего неожиданный и совершенно новый ужас пронзил и обездвижил меня. Страх перед темнотой полностью исчез. Я даже стал искать темноты. А снаружи ничего не было, кроме шевеления старых тряпок, урчания воды в ночных трубах и скрипучих фонарных теней.

Не знаю, почему я полюбил зиму. Медленно падающий снег. Тускло-зелёные фонари. Уютное завывание метели и лёгкое колебание ставень. Словно плавно бегут белые волны...

В детстве я видел смерть несколько раз. Однажды, когда мне было лет 12, мы с другом возвращались на троллейбусе с толкучки, где продавали популярные в то время наклейки «Италия-90». Троллейбус уже повернул на нашу улицу, когда мы обратили внимание на большую толпу народа, сгрудившуюся возле одного из подъездов старой синей двадцатидвухэтажки (редкие и страшные дома). Недалеко от толпы стояла реанимационная машина. Мы заинтересовались и вышли на ближайшей остановке. Накрапывал мелкий осенний дождик, ветер срывал листву с голых деревьев. Подойдя к месту скопления народа, мы сразу увидели причину этого скопления — на асфальте лежало как-то неестественно вывернутое тело молодой женщины. На шее женщины была верёвка. Рот женщины с тонкими осколками зубов был широко раскрыт, словно она беззвучно, но неистово кричала. Глаза-пуговицы — полуприкрыты. Рядом, на асфальте, лежал мозг этой женщины. Этот мозг, разлетевшийся от удара на куски, лежал в луже крови, и на него уже набросили белую тряпку, но её сдуло ветром, и она зацепилась за

ветви какого-то дерева. Я внимательно смотрел на куски мозга. Они были бело-розовыми и чем-то напоминали консервированное крабовое мясо. Помню, я никак не мог понять: почему веревка на шее? Женщина, как сказали, выбросилась с 14 этажа. Так вот, на мозг я смотрел спокойно, а грязная верёвка на шее меня напугала.

Другой случай. Работница нашей АТС выбросилась (или выпала) из окна своего кабинета на 8 этаже. Удар пришёлся прямо головой в асфальт. Мы, помню, часто потом ходили смотреть на эту вмятину — круглая лунка в асфальте с рубиновыми вкраплениями. Эта вмятина долго не исчезала; зимой её заносило снегом, а по весне мы видели её вновь. Может быть, она и сейчас там, не знаю, ибо я давно покинул те места и живу теперь в центре Москвы, где воздух далеко не так чист.

Об остальных случаях умолчу, они не настолько запомнились. Да и эти потихоньку блёкнут — водка высушила процентов сорок моей памяти.

Также я часто находил деньги. До определённого возраста, лет до 12. Рубли, трояки, пятёрки. Чаще всего рубли и трояки, а по тем временам это были серьёзные деньги. На три копейки можно было напиться газировки с сиропом, а на 1 рубль сходить в видеосалон на «Красную жару» (тогда название этого фильма почему-то переводили как «Красный полицейский». Не исключено, что оба перевода верны, равно как и наоборот»).

Но мимо, мимо. Только вот, куда «мимо»? Написать роман? Написать роман для меня — сущее западло. Я почти уверен, что никогда не напишу его. Я вообще не понимаю, как человек может написать роман. Это ведь требует терпения и усидчивости, а это всё не про меня. Я катастрофически ленив. Все явления генерируются во мне по образу и подобию взрыва, — я могу уложиться на нескольких страницах. Но это будет концентрат. Не размазывание соплей, а именно концентрат соплей. Вы можете положить его себе под язык и отправиться странствовать. И в каждом окне поезда вам будут сниться сказки Андерсена. Под «каждым окном» я разумею те виды, те города и селения, которые вы будете проезжать, храня мой концентрат под языком.

В одном из «посланий» Козловский написал: Я бросил

пить и, разговаривая с бумагой, рисую себе картины мира. Как этот жгучий мартовский ветер рисует картины своего мира на воде. Страшно существу, заброшенному в это море. Завтра или послезавтра, или Бог знает, когда, будет единственный день, когда наступит сегодня. Я ухожу вдаль, и двери со скрипом закрывают глаза. Никто здесь не скажет мне, праведен я или грешен, лжец или же с моих уст слетает истина. Никто здесь не скажет мне, кто я. Завтра жена возвращается утренним поездом, но что мне от этого? На столе, в вазе, её ждут свежие лилии, их аромат наполняет всё моё жилище и всё моё ожидание, но какой мне от этого прок, если я не знаю, кто я? Снег сходит с крыш. Воды стремятся вперёд, унося сигаретный дым, осколки и воспоминания. Потом наступает вечер, и двери со скрипом закрывают глаза. В конце марта Козловский всё же решился выйти на улицу. Синие весенние сумерки стояли на лестничной клетке, и спускаться вниз было легко.

На улице Козловский вдохнул полной грудью. И зажёт сигарету.

Козловский двинулся вперёд; голые ветви и фонари поплыли над его головой. В сточных канавах шумела вода, и коты пели, как дети. Кругом, куда ни глянь, синел оставшийся снег, и свет его проникал в самую глубину глаз. Сердце Козловского тревожно билось, а его неопрятный внешний вид, — следствие долгого затворничества, — в этих сумерках не особенно был различим. Тем не менее, ботинки Козловский надел поверх домашних тапок, а старое демисезонное пальто в клетку — поверх полосатой пижамы. Домашний галстук и ночной колпак также присутствовали. Сердце тревожно билось. Такой наряд, — подумал Козловский, — может не понравиться даже собакам. Вертикальные же существа просто выбьют зубы и глаза.

Но Козловский не являлся безоружным человеком. Во внутреннем кармане пижамы у него находился стилизованный под маузер газовый пистолет. Газ в нём был просроченным, но нервнопаралитическим; можно было свалить быка. По крайней мере, больного быка.

— Боже, во что я превратился, — разговаривая сам с собой, произнёс Козловский. — Не пью всего неделю, а чув-

ствую себя живым пугалом огородным.

Козловский поднял глаза к фонарю, под которым остановился. Фонарь приглушённо мерцал и как бы стеклянно говорил.

— Да, — продолжал Козловский, продвигаясь дальше под бесшумными деревьями. — А в тапках тепло. Как в носках... Зима, всё-таки, спокойнее, — чуть не вскричал он, но тут же зажал рот руками и огляделся по сторонам. Мимо него, цокая, прошла молодая женщина в обтягивающих лаковых сапогах.

— Серебряное копытце, — прошептал Козловский, провозжая женщину указательным пальцем. — Цок-цок-цок. А без сапог будешь на две головы ниже меня. Вот тебе и всё серебро. А что, если откусить тебе каблуки, как тогда пойдёшь? На цыпочках? Будто воровка?

Козловский махнул рукой и отвернулся в другую сторону. Неожиданно его внимание привлёк странный звук. Он прислушался. Что-то тяжёлое, металлическое скребло по асфальту. Козловский пригляделся. Двигалась крышка канализационного люка. Через некоторое время из люка показалась лысая голова в оранжевой каске и круглых очках.

— Добрый вечер, — произнесла голова. — Как поживаете? — Хорошо, — сказал Козловский.

— А зачем вы так поживаете? — сказала голова и высунулась по пояс. Это был коренастый старик в тёплой брезентовой куртке. В одной руке он держал связку ключей, в другой — лампу с зелёным абажуром. Козловский не нашёлся, что ответить.

— А что, если поджечь твои потные яйца, а? Как вы считаете? Шучу. Как ваше имя?

Козловский зажёл сигарету и назвал.

— Хорошо, — произнёс старик и вылез полностью. — А я Антуан. Но будет лучше, если ты будешь называть меня Антоном. Я во Франции жил-то всего один день. Включая дорогу туда и обратно. Поэтому Антон.

— Сигарету, Антон?

— Пожалуй, нет. Не курю.

Старик поставил лампу на асфальт, возле люка. Лампа струила мягкий зелёный свет.

— А как она работает? — спросил Козловский.

Старик поднял глаза к весенним звёздам.

— Беспроводная, — вполголоса произнёс он. — На аккумуляторе. Скоро сядет. Гаснуть будет медленно, как свет в кино. Мы и не заметим, как она полностью исчезнет. Да и мы тоже.

Старик понюхал воздух.

— Сколько сейчас времени? — сказал он.

— Я не знаю, — сказал Козловский. — У меня часов нема.

Все часы дома.

— Слушай, не впадлу, сбегай, посмотри? И вынеси два стакана.

— Чёрт с ним! — сказал Козловский. — Спросим у кого-нибудь.

— Стаканы спросим? — прищурившись, сказал старик.

— Время, — сказал Козловский. — Стаканы купим.

— Ну, это уж по твоей части. Я уже лет двадцать ничего не покупаю. И тебе не советую. Короче, не хочешь идти домой, — не надо. Но в этом был смысл.

Старик извлёк карманные часы на цепочке, откинул крышку. Под крышкой оказался белый порошок.

— Будешь? — спросил старик.

— А что это?

— Снег. Он под землёй лежит круглый год. Отсыпь себе и нюхай.

— Да ты гонишь, дед. Какой снег? Снег такой не бывает.

— Ты-то почём знаешь, какой он бывает?

— Видел.

— «Видел». А кроме того, что видел, — ничего не видел.

Бери и нюхай.

Козловский отсыпал себе немного белого порошка. Уже полностью стемнело, но небо над головой было кристально синим. Тёплый ветерок трепал верхушки тополей. Козловский вдохнул левой ноздрёй. Фонарь, качнувшись, мигнул над ним. Старик внимательно смотрел на лицо Козловского.

— Ну как? — сказал он.

— Холодно, — произнёс Козловский. — Левая половина тела как будто под наркозом. Вся заледенела. Ничего не чувствую.

— Отлично. А теперь другой ноздрёй.

Козловский вдохнул правой ноздрёй.

— Ну? — сказал старик.

— Ничего не чувствую, — сказал Козловский. — Тело словно исчезло. Мне даже кажется, что я ничего не вижу. Вернее, как будто кажется, что вижу.

— Смерть наступит часа через два, — сказал старик. — Покамест можно пройтись.

— Какая смерть? — сказал Козловский.

— А тебе не всё равно? — петухом закричал старик.

— Как будто бы да, — ровным голосом произнёс Козловский. — Белое всё.

— В каком плане белое? — прищурился старик.

— Всё белое. Деревья, дома, — Козловскому показалось, что он поёт. — Ты тоже белый. Небо белое, а уже ночь.

— А луна?

— Луна тоже белая, чёрт возьми. Даже не знаю, как это объяснить.

— Не надо ничего объяснять. Вали всё на меня.

Старик вырвал из бороды два волоса и завязал их в узел:

— Снеговик будь снеговик. Светила свергну корона шар огонь катись по изнанке. Снеговик, то есть Снежный человек.

Козловский печально закрыл глаза.

Снежный человек, или Снеговик, открыл глаза. Он стоял у входа. Огромный храм был едва различим в густой снежной пелене. Опускались сумерки. Снег ложился в нечувствительные ладони. Колючие иглы.

В храме пели. Снеговик огляделся. Похоже, что он в тихом провинциальном городе; сквозь снег и сумерки мерещились покосившиеся заборы, мутные, красные окна в приземистых домах. И воздух. Воздух здесь как-то немислимо чист. Снеговик пошевелил ноздрями. Слеплен он был на славу; череп глухо сдавило настоящее ведро. Под этим куполом, словно эхо, словно летучие мыши, — призрачные вибрации ума.

Снеговик был жив. Вдалеке лаяла собака. Едва слышно шумели сосны над головой, и слёзы подступали к горлу от вида этих тусклых лубочных огней в окнах. Я чувствую, как звенят ключи у меня в ушах, — сказал Снеговик в снег. Тайные подземные воды у меня в ушах; они омывают мой раскалённый добела мозг. Раскалённый, так сказать, «обратным» огнём. Что же это за город? Вот

узкая улица, петляя между заборами, уводит круто вниз. В овраг. И в овраге тоже приглушённые огни, приземистые силуэты домов. И всё здесь дышит тишиной и пространством.

Надо идти. Но куда идти? Снежный человек сделал шаг в сторону храма. Двери были открыты, и в глубине туманно мерцали огни. Снежный человек прислушался, остановившись в дверях. Понюхал воздух. Пахнет ладаном, как обычно, однако поют, как показалось Снежному человеку, несколько странно, не то. Это необычная служба, — сказал сам себе Снежный человек и вошёл в храм. В густом сумраке свечей видимость слабая. Практически ничего не представлялось возможным различить. Контуры тёмных фигур в длинных одеждах. Снежный человек вгляделся в полумрак. У алтаря, едва различимый, стоял операционный стол, на котором, как будто, лежало тело. Интересно, верующий ли я? — сказал Снежный человек. Его снежные глаза постепенно привыкали к темноте, будто таяли. На операционном столе у алтаря действительно лежало тело, завёрнутое в белую материю, и только наголо остриженная голова неловко, нелепо торчала. Голова была словно в испарине; коричнево-золотой свет лизал её. Снежный человек поднял глаза на огромный, тёмный иконостас и ещё раз спросил себя, верующий ли он. Сложный вопрос, — сказал сам себе Снеговик. Может ли быть хоть крупица веры в существо, вылепленном из снега? За храмом протекает река, названия её я не помню, врать не буду; так вот: если Снежный человек сумеет переплыть её... Войти в эту тёмную, в снежных звёздах, воду... Плыть-то всего ничего. Потом выйдешь на том берегу... Снежный человек смотрел на то, что происходило в храме. Он заметил, что «Снеговик» и «Снежный человек» — совсем не одно и то же, хотя эти два «понятия», безусловно, указывают на одно и то же существо. Но Снежный человек, как казалось, мог войти в реку и переплыть её, а Снеговик — нет. Вот и вся разница, — сказал Снежный человек. И в этом заключается вопрос веры Снежного человека-Снеговика.

Между тем по покойнику на операционном столе служили панихиду. Снежный человек понял это загадочным снежным чувством, несмотря на то, что всё было

очевидно. Языки свечей вяло лизали бритую, словно смазанную машинным маслом голову усопшего.

— Трепа-ан! — низким, словно подземным голосом пропело существо в тёмной длинной одежде и клобуке. Да, так это называется. Клобук. Лица не видно, только широкая, чёрная борода.

— Трепа-ан! — подтянули высокие голоса с хоров.

Неожиданно всё замерло, и в тишине раздался тонкий, приятный для слуха Снеговика визг. Вздрогнуло паникадило, обдав Снежного человека облаком нежного, необъяснимого аромата. Он даже увидел его цвет — зелёный. «Святая ночь». Трепан, клобук. Мне, вроде как, знакомы эти наименования. Особенно трепан. Приятное металлическое жужжание наполняло храм. Неожиданно усопший пронзительно закричал:

— Не-ет!!!

Страшным, медвежьим голосом.

— Да-а-а! — глубоким басом в унисон пропело несколько голосов.

— Да-а-а! — слышалось с хоров.

Прихожан было немного. Оперировал крошечный человек (послушник?). Скорее, даже не послушник, а трудник. Оперировал неумело, — даже для Снежного человека, ровным счётом ничего не смыслящего в медицине, это было очевидно. Крышку черепа усопшего грубо, с треском, вырвал, словно выломал. Так не годится. Что-то потекло по полу, а трудник, лицо которого было сплошь замызгано, покорно перекрестился и с улыбкой бросил трепан в пропитанный ладаном воздух. Инструмент ловко поймал левой рукой высокий иеродиакон в огромных квадратных очках.

— Скальпель! — подземным басом пропело существо в клобуке.

Не-ет!!! — страшным голосом кричал усопший.

— Да-а-а!

Снежный человек подошёл поближе, чтобы рассмотреть всё происходящее. Он разглядел заляпанный кровью операционный стол, грязную простыню, в которую был завернут усопший, забрызганное лицо усопшего, который отчаянно моргал кровавыми глазами и кричал «нет», на что ему неизменно отвечали «да». Затем подо-

шёл трудник со скальпелем и начал неистово кромса́ть торчащий наружу мозг усопшего.

— Вот тебе, вот тебе, понял? Да? Не будешь баб монастырских щупать, гнида. И кошек монастырских жрать не будешь.

Трудник бросил скальпель на пол и запустил руку в череп усопшего. Вырвав какие-то ошмётки, он засунул их в рот и начал жевать.

— И едду отрежу, — с набитым ртом произнёс трудник. Лицо его было грязно, право. Снеговик даже усмехнулся. Прямо как ребёнок, который ест варенье, запустив в банку обе руки, — решил он.

Снежному человеку порядком надоел весь этот цирк. Он повернулся к выходу. По пути он обратил внимание на то, что место, в котором он находится, — это и храм, и операционная, и что-то ещё. И то, что он видел вокруг себя, было красноречивее и выше его слов. Снеговик устал. Ему хотелось спать. Он стоял на высоком берегу реки и смотрел, как вдалеке по мосту едет освещённый трамвай. Словно игрушечный. Крошечные квадратики окон. В них — крошечные круглые головы. Шуты гороховые, — сказал Снежный человек. Скальпель, трепан, трамвай.

Он медленно брёл по узкой, петляющей между заборами улице. Улица уводила вниз, по всей видимости, к источнику. И действительно, в скором времени ноги Снежного человека коснулись деревянных ступеней. Он начал медленно спускаться, окутанный снегом и сумерками. Здесь должны быть какие-то фонари, для ночных купальщиков, — тихо произнёс Снежный человек. Но вокруг царил синя-белая мгла. Снеговик спускался всё ниже, держась за деревянные перила. Лестница едва слышно скрипела под его ногами. Здесь нет ничего удивительного — эти ступени стары, как мир. Случается, конечно, что спуски к источникам ремонтируют... А вот и конец пути. Снежный человек ступил на широкую деревянную площадку. Как здесь тихо, — сказал Снежный человек, — слышно, как падает снег. В белёсой темноте он различил приземистый деревянный домик, — купальня. Снежный человек прислушался, но плеска воды не услышал; купальня была пуста. Откуда-то возник большой

кот, окрас которого в сумерках было сложно определить (скорее, синий), и, подойдя к Снежному человеку, начал тереться о его ноги. Да, — сказал Снежный человек, — бывает, что всё складывается как нельзя лучше. Ткань истории, верная, как паутина, смело выныривает из-под твоих заботливых пальцев. Некоторое время ты, умиротворённый, любишь улетающим вдаль узором. Но это ничего не значит. Вот и сейчас (Снеговик погладил кота по голове), казалось бы, реальнее некуда — я и ты, мы с тобой здесь, на этой площадке, перед входом... А моя голова словно забита невидимым мусором. Подошвы ног ощущают обледенелые доски... Одним словом, — есть почва, твёрдо стою на ногах. И всё равно ничего не вижу. Да... Иногда тебе кажется, что ты идёшь правильным путём, и мир тебе отвечает. Но на самом деле это ничего не значит. Разве может быть хоть крупица веры в существо, вылепленном из снега?

Кот, урча, крутился около Снежного человека.

— Надо идти, — произнёс Снеговик. — Пойду. Пожелай мне удачи.

Снеговик со скрипом открыл дверь купальни, ступил на обледенелый пол. Было темно, только перед образом Казанской Божьей Матери в углу мерцал зелёный огонёк. Ступени вели в тёмную воду. Держась за шаткие перила, Снеговик начал спускаться. Ему вдруг показалось, что кот стоит за его спиной на задних лапах и, подняв керосиновую лампу, освещает ему путь. Ноги вошли в воду, сначала правая, потом левая. Это, видимо, потому, что я правша, — тихо сказал Снеговик. Над его головой поскрипывала керосиновая лампа; её свет глядел в воду, но ничего не видел. А иногда Снежному человеку казалось, что это его собственные глаза излучают керосиновый свет. Спускаюсь. Он вошёл по пояс. Температура воды была обычной. Ноги Снежного человека коснулись каменного дна. Неглубокая купальня. Придётся сильно приседать. Керосиновая лампа погасла. Снеговик перекрестился и нырнул с головой. Трепан, клобук, — подумал он. Он вынырнул, перекрестился и снова нырнул. Ничего. Под водой темно. Снеговику хотелось подольше оставаться в её объятиях. Вода заполняла лёгкие Снеговика своим ледяным ды-

ханием. Снеговик вынырнул, перекрестился, нырнул в третий раз. Перед глазами мерцал белый, исчезающий крест. Помню, как креститься, — сказал Снеговик. — Правильно крещусь. Он вынырнул, нащупал перила и, отдуваясь, начал выбираться из купальни. Зелёный огонёк провожал его. Снежный человек открыл дверь и вышел на воздух. Кот, покрытый снегом, сидел у входа в купальню.

— Хорошо, — сказал Снеговик, проведя ледяной рукой по пушистой спине животного. — Бодрит. Слушай, что же это за город?

Снеговик присел на скамью недалеко от купальни; тёмная вода ручьями стекала с него. Кот тоже подошёл. Снеговик закрыл глаза, слушая невообразимую тишину. Кот запрыгнул к нему на колени.

— Кажется, что город наверху погружен в сон, — тихо произнёс Снежный человек, не открывая глаз. — Но на самом деле, это иллюзия. Потому что на самом деле он объят пламенем. И дома движутся со страшной скоростью. Но жителям удобнее думать, что это не так.

Снеговик снял с головы ведро и поставил его на доски, кверху дном, как оно и было надето.

— Пригодится кому-нибудь, — сказал Снеговик. — Хорошее ведро, а воды здесь — навалом. Пойдём домой. Встав со скамейки и осторожно держа на руках кота, Снежный человек начал подниматься по лестнице.